

Полина Банман

Überleben übersetzen: перевод и литература Холокоста

1/2021

DOI: 10.25365/cts-2021-3-1-7

Herausgegeben am / Éditée au /
Edited at the: Zentrum für
Translationswissenschaft der
Universität Wien

ISSN: 2617-3441

Abstract

*Разноязычные мемуарно-автобиографические тексты, авторы которых пережили Холокост, имеют чрезвычайную важность для проведения исследований в самых различных областях знания. С точки зрения транслатологии интерес вызывает их перевод в целом, а также перевод на немецкий язык в частности. Материалом исследования является англоязычный текст Х. Э. Верольме *The Children's House of Belsen* и его перевод на немецкий язык *Wir Kinder von Bergen-Belsen*, выполненный М. Пресслер. Проведенный анализ позволил выявить случаи использования такого переводческого преобразования как опущение информации, среди которого нами выделено отдельно опущение по объему (полное и частичное опущение) и по степени обоснованности (обоснованное и необоснованное). В тексте немецкоязычного перевода оказываются опущенными названия концентрационных лагерей, топонимы, этнонимы, название организации «Красный Крест», инвективная лексика и др. В результате использования данного преобразования текст оказывается прагматически адаптированным для немецкоязычного реципиента и в рассмотренных контекстах является более нейтральным в плане передачи исходной информации. Опущение представляет собой комплексное преобразование и сопровождается заменой информации, генерализацией, стилистической нейтрализацией и элиминацией национально-культурной специфики. К причинам использования опущения отнесем необходимость достижения прагматической эквивалентности и адаптации текста для немецкоязычного читателя, который «устал» от Холокоста.*

Keywords: Перевод литературы Холокоста, прагматическая эквивалентность, реципиент, опущение, Х. Э. Верольме, М. Пресслер.

Zum Zitieren des Artikels / Pour citer l'article / To cite the article:

Банман, Полина (2021): Überleben übersetzen: перевод и литература Холокоста, *Chronotopos* 3 (1), 124-145. DOI: 10.25365/cts-2021-3-1-7

Полина Банман

Überleben übersetzen: перевод и литература Холокоста

*Разноязычные мемуарно-автобиографические тексты, авторы которых пережили Холокост, имеют чрезвычайную важность для проведения исследований в самых различных областях знания. С точки зрения транслатологии интерес вызывает их перевод в целом, а также перевод на немецкий язык в частности. Материалом исследования является англоязычный текст Х. Э. Верольме *The Children's House of Belsen* и его перевод на немецкий язык *Wir Kinder von Bergen-Belsen*, выполненный М. Пресслер. Проведенный анализ позволил выявить случаи использования такого переводческого преобразования как опущение информации, среди которого нами выделено отдельно опущение по объему (полное и частичное опущение) и по степени обоснованности (обоснованное и необоснованное). В тексте немецкоязычного перевода оказываются опущенными названия концентрационных лагерей, топонимы, этнонимы, название организации «Красный Крест», инвективная лексика и др. В результате использования данного преобразования текст оказывается прагматически адаптированным для немецкоязычного реципиента и в рассмотренных контекстах является более нейтральным в плане передачи исходной информации. Опущение представляет собой комплексное преобразование и сопровождается заменой информации, генерализацией, стилистической нейтрализацией и элиминацией национально-культурной специфики. К причинам использования опущения отнесем необходимость достижения прагматической эквивалентности и адаптации текста для немецкоязычного читателя, который «устал» от Холокоста.*

Введение

Со Второй мировой войной неразрывно связано понятие Холокоста. В данном исследовании остановимся на специфике перевода произведений литературы Холокоста на немецкий язык. Изучение литературы Холокоста и прежде всего мемуарно-автобиографических текстов авторов, переживших Холокост, видится необходимым по нескольким причинам: во-первых, в живых остается все меньше и меньше переживших Холокост, которым можно задать вопросы, возникающие при чтении оригиналов и их переводов; во-вторых, в свете постоянных попыток ревизионизма, фальсификации и искажения истории. Можно вспомнить публикацию в «Шпигель» в 2020 г. к 75-ой годовщине освобождения концентрационного лагеря Аушвиц, в которой говорилось о том, что лагерь был освобожден американцами (RÖPER 2020); в-третьих, это в полной мере соответствует целям программы «Холокост и ООН».

С точки зрения транслатологии данные тексты представляют несомненный интерес для проведения сопоставительных исследований разного плана. Важным представляется изучение специфики перевода произведений литературы Холокоста на немецкий язык. Помимо этого в данных текстах на фоне описания повседневной лагерной жизни встречаются контексты, повествующие о работе переводчиков. Их изучение также необходимо как с практической, так и теоретической точки зрения, в

частности для формирования образа переводчика/устного переводчика/коммунального переводчика.

Материал исследования

Используемый нами в качестве материала исследования англоязычный текст Х. Э. Верольме *The Children's House of Belsen*, в котором автор повествует о своей жизни в лагере Вестерборк (Нидерланды) и Берген-Бельзен (Германия), переведен не только на немецкий, но и на нидерландский, французский и итальянский языки. Основное внимание в рамках данной статьи уделим переводу на немецкий язык *Wir Kinder von Bergen-Belsen*, выполненному М. Пресслер и опубликованному в издательстве Beltz (2005), а также в издательстве Weltbild (2009). Для подтверждения отдельных наблюдений в ряде случаев прибегнем к переводу первой главы текста на нидерландский язык *De kleine moeder van Bergen-Belsen. De kinderbarak van Bergen-Belsen*, выполненному Р. Постума (2014). Подобное «переключение» позволит наглядно продемонстрировать достижение прагматической эквивалентности при переводе на немецкий язык.

Литература Холокоста и перевод литературы Холокоста

Термин «литература Холокоста» распространяется на [...] все литературные тексты о Холокосте. В его основе – широкое понимание метафоры «Холокост», охватывающее все аспекты национал-социалистической «расовой» политики уничтожения, направленной против всех групп жертв. Термин «литература» обозначает в данном случае тексты, оформленные «типично литературно», с использованием тропов, обращением к архетипам и др. «Типично литературно» означает также, что тексты, на которые распространяется термин «литература Холокоста», не претендуют на научность, а скорее представляют собой «субъектно-зависимые» толкования Холокоста, а не научные «метатексты». К этим текстам относятся не только дневники и хроники, созданные во время описываемых событий, но и мемуары и воспоминания, записанные участниками после описываемых событий, а также художественные произведения (романы, стихотворения, драмы), в которых центральной темой является Холокост (FEUSCHERT 2004: 52-53). Это могут быть произведения, написанные непосредственно самими пережившими Холокост, написанные родившимися после описываемых событий (второе и третье поколение) (ROTH 2015: 15).

Литература Холокоста объединяет произведения, связанные целым комплексом тематических, структурных и формальных критериев. У последних текстов, относящихся к литературе Холокоста, обнаруживаются текстовые признаки, которые были характерны для ранних текстов, возникших либо во время, либо сразу после описываемых событий. В то время как авторы первых текстов не осознавали, что они создают тексты, которые мы сегодня относим к литературе Холокоста, поздние авторы, как читатели первых текстов, осознавали, что они создают тексты о Холокосте в рамках определенной традиции, жанра, в значении «коммуникационной системы между автором и читателем» (FEUSCHERT 2004: 32).

Одним из характерных признаков литературы Холокоста является ее многоязычие: тексты написаны на самых разных языках – на немецком, английском, итальянском, польском, идише и др. Но именно благодаря переводам произведения литературы Холокоста становятся классиками мировой литературы, мировой литературы Холокоста, как, например, дневник Анны Франк, произведения Э. Визеля, П. Леви и других авторов. Согласимся с мнением П. Дэйвиса, который полагает, что перевод свидетельств выживших – это не только описание исторической ситуации, но и коммуникация с аудиторией (DAVIES 2018: 3). Перевод позволяет существовать литературе Холокоста, «перенести память о Холокосте через порог нового тысячелетия и преобразовать ее в долговременную культурную память в тот момент, когда коммуникативная память выживших и свидетелей исчезает» (АССМАН/ЭРЛИХ 2017: 14), он делает ее доступной для миллионов читателей по всему миру, что видится принципиально важным для самих авторов подобных произведений.

Вопросами перевода воспоминаний выживших занимались З. Александер (ALEXANDER 2002), П. Арндс (ARNDS 2012), П. Дэйвис (DAVIES 2014, 2018), С. Деген (DEGEN 2008), П. Кугивчак (KUNIWZAK 2011) и др. Анализ доступных нам исследований по проблемам перевода текстов авторов, переживших Холокост, позволяет говорить о чрезвычайной сложности данного процесса, который имеет двойкий характер: с одной стороны, трудно переводить с психологической точки зрения, описывая произошедшие события и подбирая нужные эквиваленты, которые должны «заразить» читателя своей точностью и эмоциональностью. С другой стороны, если, как писал Э. Визель, сами авторы боятся «использовать неправильные слова» (ЦАТУРЯН 2016), то ответственность, которая ложится на плечи переводчика, возрастает в десятки раз.

Важную для нашего исследования мысль выражает П. Арндс: исследователь видит проблему перевода в сложности «транспортировки» человеческого страдания из одной культуры в другую. При переводе текстов, хранящих личный опыт, а также опыт Холокоста, текст становится свидетелем на другом языке. Поэтому перевод на другие языки становится большой проблемой, а особенно перевод на немецкий язык. Трудности перевода становятся еще более отчетливыми при сравнении переводов на два и несколько языков (ARNDS 2012: 173), о чем свидетельствует и проанализированный нами материал.

П. Кугивчак пишет о том, что, не смотря на то, что собраны многочисленные исторические факты о Холокосте, предстоит осмыслить и оценить отдельные воспоминания. Кроме того, исследователь подчеркивает, что в процессе перевода тексты, написанные на совершенно разных языках, подвергаются редактированию и переписыванию. «Часто утверждается, что Холокост – выше человеческого понимания, но, возможно, терпеливое восстановление индивидуальных воспоминаний сделает возможным это понимание» (KUNIWZAK 2004/05).

А. Хаммель в своем исследовании приходит к выводу о том, что тексты авторов, переживших Холокост, нельзя рассматривать изолированно друг от друга (НАММЕЛ 2004: 306), а также указывает на необходимость учета ожиданий читателя языка-цели (НАММЕЛ 2004: 295).

Большое значение имеют исследования, проводимые в университете Абериструита, где функционирует проект «Holocaust Writing and Translation» под руководством

профессора П. Дэйвиса (P. Davies) и др. А. Хаммель (A. Hammel). Как указывается на сайте проекта, в процессе работы интерес вызывает

[роль переводчика в качестве как культурного посредника, делающего тексты доступными для новой аудитории, так и в качестве интерпретатора текста, на которого оказывается идеологическое воздействие. Тот факт, что переводчик становится видимым, вызывает беспокойство при изучении литературы Холокоста, но одновременно открывает новые области исследования]

(<https://www.aber.ac.uk/en/modernlangs/research/current-research/holocaust/>).

В российском переводоведении накоплен некоторый опыт перевода лагерной прозы, в частности А. Солженицына, и анализ существующих переводов (ХАРИТОНОВА 2007; ЧАЙКОВСКИЙ/ЛЫСЕНКОВА 2014). При этом исследователи указывают, что переводчикам не всегда удается «уловить горечь материала». Перевод текстов именно авторов, переживших Холокост, находится пока на периферии интересов современных исследователей в области переводоведения в России.

Отношения «автор – переводчик/издательство – реципиент»

Отдельно остановимся на таком аспекте, как взаимодействие автора и переводчика/издательства, поскольку они являются основными участниками процесса перевода. Существует два пути, по которому переводятся произведения авторов, переживших Холокост:

1. Выполнение автоперевода. Данный путь является достаточно редким явлением. Самым известным случаем является автоперевод книги «weiter leben. Eine Jugend» Р. Клюгер, которая сама перевела текст на английский, переработав и сократив его, он вышел позднее немецкоязычного текста под названием «Still Alive: a Holocaust girlhood remembered». Можно сказать, что она написала два разных варианта своего текста: один – для немецкоязычного читателя, другой – для англоязычного. Автор-переводчик опускает отдельные травмировавшие ее впечатления, которые не хочет пережить вновь, смягчает некоторые оценки, поскольку текст будет читаться в совершенно другом историческом контексте. В целом верной оказывается мысль У. Эко, который пишет о возможности рассмотрения авторского перевода как частичной или радикальной переработки исходного текста (ЭКО/КОВАЛЬ 2006: 376).

2. Выполнение перевода переводчиком. Данный путь является традиционным. Значимыми считаем размышления П. Леви о процессе перевода на немецкий язык. В своей книге «Канувшие и спасенные» он пишет, что состоял в постоянной переписке с переводчиком книги Хайнцем Ридтом. Придавая большое значение переводу своего текста на немецкий язык, «язык преступников», не доверяя немецкому издателю и переводчику, он боялся увидеть свою мысль искаженной, собственные слова измененными до неузнаваемости или наоборот усиленными за счет ресурсов другого языка. П. Леви просил присылать ему перевод по главам, «запрещая опустить или даже переставить хоть одно слово в тексте ... Я хотел контролировать не только словарную, но и духовную, смысловую точность» (ЛЕВИ/ДМИТРИЕВА 2010: 142-143).

Автор. Автором анализируемого нами материала является Хетти Эстер Верольме, урожд. Веркендам, род. в 1930 г. в Бельгии. В 1931 г. ее семья переехала в Нидерланды, в Амстердам. В 1943 г. Х. Э. Верольме, а также ее родители и братья, были арестованы во время облавы в Амстердаме. Сначала их поместили в концентрационный лагерь Вестерборк, предназначенный для временного размещения, а затем перевезли в концентрационный лагерь Берген-Бельзен. Сначала из Берген-Бельзена забрали отца, а потом и мать, Х. Э. Верольме осталась в лагере со своими двумя братьями. Не смотря на то, что семья была разлучена, они все остались живы и встретились после войны. В лагере, в «детском бараке» без родителей осталось около 40 детей в возрасте от 10 месяцев до 16 лет, для них Х. Э. Верольме стала «второй мамой» и помогала им выживать. В целом она провела в концлагерях около полутора лет, до самого освобождения лагеря британцами 15 апреля 1945 г. Незадолго до этого (в феврале/марте 1945 г.) буквально в нескольких десятках метров от детского барака в лагере от тифа умерла Анна Франк, дневник которой является классическим примером литературы Холокоста. Несколько дней спустя после освобождения лагеря по просьбе представителей британской армии Х. Э. Верольме дала интервью военному корреспонденту Би-Би-Си Патрику Гордон-Волкеру, затем начала записывать свою историю. В 1954 г. после смерти мужа она переехала вместе с дочерью в Австралию. В 60-х годах Х. Э. Верольме предприняла попытку написать свою автобиографию, однако отложила ее в сторону, поскольку воспоминания были слишком травмирующими (CHILDREN'S HOUSE OF BELSEN (WEBSITE) 2015). Лишь после рождения внуков она дописала и опубликовала в 2000 г. свою историю под названием *The Children's House of Belsen*. Эта книга получила Национальную литературную премию Австралии. В 2005 г. вышел перевод на немецком языке, выполненный Мириам Пресслер.

Книга начинается с посвящения внукам Х. Э. Верольме – Жаклин Саре Пассман и Адаму Морицу Пассману. В прологе, написанном в 1965 г., автор пишет о том, что взяться за перо ее заставила тринадцатилетняя дочь, находящаяся сейчас в том же возрасте, в котором начинается история Х. Э. Верольме. В первой главе речь идет о жизни в Амстердаме, оккупированном немцами, о судьбе родных и знакомых, о попытках спастись и об облаве, в результате которой семья отправляется в транзитный лагерь Вестерборк. Вторая глава повествует о жизни в Вестерборке по 1 февраля 1944, когда их фамилии появились в списке отправляемых в концентрационный лагерь Берген-Бельзен. Остальная часть книги посвящена жизни в этом лагере до момента возвращения в Нидерланды после окончания войны. В послесловии Х. Э. Верольме описывает воссоединение семьи в Амстердаме, судьбу своего отца после того, как он покинул Берген-Бельзен 4 декабря 1944 и был депортирован в Саксонию, а также судьбу матери после ее отправки в другой лагерь 5 декабря 1944 г. Одним из самых важных событий послесловия являются воспоминания о посещении Берген-Бельзена 50 лет спустя.

В процессе сопоставительного анализа англоязычного оригинала и его перевода на немецкий язык мы обратились к Х. Э. Верольме в Facebook с вопросом о том, как происходил процесс перевода, принимала ли она в нем участие и как она относится к тем или иным опущениям информации. Она написала следующее: „No I was not

involved with the Translation but I think that they came close. ... For the German reader she has done her best and got most of the story to portray what happened” (VEROLME 2019: Facebook) [Нет, я не была вовлечена в процесс перевода, но я думаю, что они подошли близко ... Для немецкоязычного читателя она [переводчик] сделала все, что могла и поняла большую часть истории, чтобы передать то, что произошло].

Публикация (переводчик и издательство). На немецкий язык книга переведена Мириам Пресслер (1940 – 2019), известной писательницей и переводчицей, которая перевела более 300 книг с английского, голландского и иврита, среди них целый ряд книг, посвященных Шоа, в том числе и «Дневник Анны Франк». М. Пресслер также является автором биографии Анны Франк «Ich sehne mich so. Die Lebensgeschichte der Anne Frank» (2000), опубликованной в рамках программы Gulliver издательстве Beltz. Заслуги Мириам Пресслер, не только как автора, но и переводчика, и человека, внесшего огромный вклад в сохранение исторической памяти, отмечены многими наградами и премиями. За всю свою деятельность в качестве переводчика она получила специальную премию Немецкой молодежной литературной премии (1994), премию Лейпцигской книжной ярмарки в категории «Перевод» за перевод книги «Иуда» Амоса Оза (2015), за перевод этой же книги Международную литературную премию Германии (2015) и др. Среди многочисленных других наград Крест Заслуг 1-ой степени Ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (1998), Немецкая книжная премия (2004), медаль Бубера-Розенцвейга (2010), присуждаемая за вклад в развитие христианско-иудейских отношений, Большой крест Ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (2018) с формулировкой «за выдающийся вклад в достижение международного взаимопонимания, особенно между Израилем и Германией, а также сохранение памяти о национал-социалистической несправедливости» (PRESSLER 2019).

М. Пресслер так вспоминала о своих впечатлениях о книге Х. Э. Верольме: «Книга Хетти Верольме тронула меня до глубины души. Это удивительно, что автор нашла в себе силы рассказать нам свою историю и историю детей Берген-Бельзена» (ARNTZ 2008). К сожалению, М. Пресслер ушла из жизни в начале 2019 г., когда только происходил сбор материала для исследования и возможности задать ей вопросы о том, как происходил процесс перевода не было.

В переводе на немецкий язык книга Х. Э. Верольме впервые вышла в издательстве Beltz в 2005 г., в издательстве Weltbild в 2009 г.; на данный момент выпущено уже 5 издание. В данных издательствах в переводе на немецкий язык опубликованы и другие воспоминания людей, переживших Холокост, например, Агнес Сассун «Überlebt. Als Kind in deutschen Konzentrationslagern» (SASSOON 2006), Маша Рольникайте «Ich muss erzählen» (ROLNIKAITE 2002).

Реципиент. Предполагается, что автор сознательно предназначает свое произведение определенному адресату, при этом между текстом и аудиторией возникают диалогические отношения, характеризующиеся «наличием определенное общей памяти у адресанта и адресата», «объем памяти конструируется как обязательный для любого говорящего на данном языке» (Лотман 2002: 169-170). Сами авторы в своих воспоминаниях также касаются вопроса о своих потенциальных читателях. Рут Клюгер определяет аудиторию в немецкоязычном тексте так:

[Для кого, собственно, я это все здесь пишу? Я точно пишу это не для евреев, поскольку я не стала бы, конечно, делать это на языке, на котором, когда я была ребенком, говорило, читало и любило так много евреев, что даже для некоторых он был просто языком евреев, и которым сегодня хорошо владеют лишь немногие евреи. Пишу ли я это для тех, кто не хочет или не может себя идентифицировать ни с преступниками, ни с жертвами, и для тех, кто считает психически нездоровым, слишком много читать или слушать про преступления людей? ... Другими словами, я пишу это для немцев. ... не говорите сразу же, что это вас не касается, ... что вы уже видели фотографии с горами трупов и что вы уже прошли все, что касается чувства коллективной вины и сострадания] (KLÜGER 2008: 141).

Переводя свой текст на английский язык, она ориентируется уже на совершенно другого читателя: это были не жители страны, совершившей преступление, а общество с другим культурным фоном и совершенно другим прошлым.

В свою очередь Примо Леви вспоминал о своих чувствах, когда узнал, что его произведение будет переводиться на немецкий язык:

словно я выиграл сражение. Вот ведь как получилось: я писал, не видя перед собой конкретного адресата, писал для себя о том, что было у меня внутри, что переполняло меня и требовало выхода, я готов был говорить об этом, нет, кричать на весь мир, но кто обращается ко всем – не обращается ни к кому, вопиет в пустыне. Однако предложение контракта со стороны немецкого издательства все поставило на свои места, и мне стало ясно: да, я написал свою книгу по-итальянски, для итальянцев, для детей, для тех, кто не знал, кто не хотел знать, кто еще не успел родиться, кто по собственной воле или против воли сносил оскорбления; но подлинные адресаты, те, на кого, словно оружие, направлена книга, – это они, немцы. И теперь это оружие будет пущено в ход (ЛЕВИ / ДМИТРИЕВА 2010: 141).

На примерах из нашего материала продемонстрируем ниже ориентацию на потенциального немецкоязычного читателя, что приводит к использованию опущения информации исходного текста и в ряде случаев компенсируется ее заменой.

Мы обратились за информацией в издательство с вопросом о том, на основании чего использованы те или иные преобразования. В электронном письме от издательства указывается следующее: „Der Lektor dieses Buches war in ständigem Kontakt mit Hetty Verolme und hat seinerzeit mit ihr zusammen den Text für die deutsche Ausgabe bearbeitet und gekürzt“ (DORN 2019: E-Mail) [Редактор книги находился в постоянном контакте с Хетти Верольме и в свое время переработал и сократил текст для немецкого издания]. Данное письмо противоречит ответу Х. Э. Верольме.

Оригинал vs. перевод

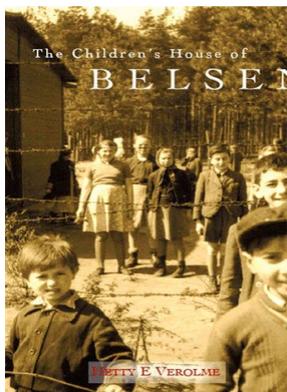
Укажем, что перевод выполнен М. Пресслер на высоком уровне и свидетельствует о ее профессионализме как переводчика, который пропустил через себя нелегкую историю жизни человека, пережившего Холокост. Примеры перевода на немецкий

язык в данной статье свидетельствуют не о качестве перевода в целом и ни в коем случае не подвергают его сомнению. Они обращают на себя внимание как несоответствующие тексту англоязычного оригинала. В процессе сопоставительного анализа оригинала и перевода выявлено использование разнообразных трансформаций, причиной применения которых является несовпадение отдельных категорий английского и немецкого языков. Полагаем, использование данных трансформации полностью оправдано, краткий их анализ уже проведен (БАНМАН 2019) и не заслуживает здесь пристального внимания.

Замена фотографии на обложке

Прежде всего, обратим внимание на паратекстовый элемент, а именно фотографию, размещенную на обложке англоязычного оригинала: это оригинальное черно-белое фото детей Берген-Бельзена на фоне детского 211 барака, сделанное уже после освобождения лагеря в апреле 1945 г.; улыбающиеся дети изображены за колючей проволокой. Аналогичная фотография размещена на обложке немецкоязычного перевода книги, вышедшего в издательстве Beltz. Поскольку фотография является своеобразным «порогом», который готовит реципиента к тому, что его ждет, возможно, в издательстве Weltbild, посчитали ее слишком «оптимистичной» для описания жизни детей в концлагере и заменили ее на другой снимок. Что, вероятно, объясняется задачей паратекстов, заключающейся в том, чтобы обеспечить «восприятие» и потребление текста. На черно-белой фотографии на обложке за колючей проволокой изображены другие дети, существенно отличается их выражение лица – дети насторожены, напуганы. Дети с совершенно недетским выражением глаз. Это часть фотографии, которая получила название «Узники фашизма», она была сделана 28 июня 1944 г. специальным военным фотокорреспондентом газеты «Фронтальная иллюстрация» Галиной Санько (<https://1001.ru/articles/post/voina-i-mir-galiny-sanko-chast-1-47287>). На фотографии запечатлены дети – узники 6-го финского концлагеря, располагавшегося в Петрозаводске. У этой фотографии также нелегкая судьба: почти двадцать лет она пролежала в архивах, как несоответствующая идеологии; по логике чиновников советские дети не могли выглядеть такими обреченными, на их лицах должна была отражаться вера в победу.

Оригинал, издательство Fremantle (2001)

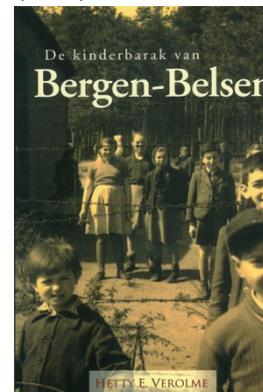
Перевод на немецкий язык, издательство Beltz (2005)

Перевод на немецкий язык, издательство Weltbild (2009)

Перевод на нидерландский язык, издательство Uitgeverij Omniboek (2014)

Фотография 1: Обложка оригинала – Обложка издательства Beltz – Обложка издательства Weltbild – Обложка издательства Uitgeverij Omniboek

Начав работу над сопоставительным анализом оригинала и перевода, мы посчитали неоправданной замену оригинальной фотографии, Предположив, что это вызвано какими-либо издательскими причинами, мы написали письмо в издательство. Однако там сообщили, что провести исследование не представляется возможным:

Ihre Anfrage zum Cover von H.E. Verolme Wir Kinder von Bergen-Belsen haben wird geprüft. Leider können wir Ihnen gewünschte Informationen nicht liefern, da wir keine Rechte mehr an diesem Buch halten. Anfang 2014 musste die Verlagsgruppe Weltbild Insolvenz anmelden, und im Zuge dessen ist unser komplettes Bucharchiv mit allen dazugehörigen Unterlagen aufgelöst worden (WALK 2020: E-Mail).

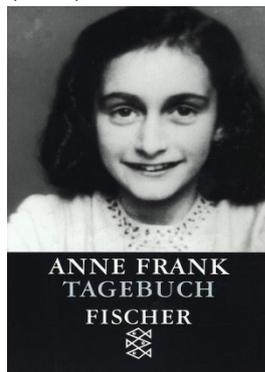
[Ваш запрос относительно обложки книги Х. Э. Верольме «Мы дети Берген-Бельзена» проверяется. К сожалению, мы не можем предоставить Вам необходимую информацию, поскольку нам больше не принадлежат права на данную книгу. В начале 2014 г. издательство Weltbild было вынуждено объявить себя банкротом, в результате чего весь архив со всеми документами был ликвидирован].

Однако, изучив варианты оформления обложек разножанровых книг, в том числе и мемуарно-автобиографических, относящихся к литературе Холокоста, мы пришли к выводу о том, что однообразия нет не только при реализации текста в другой языковой среде, но и при оформлении книги в разные года и в разных издательствах в стране, где вышел оригинал книги. Решение о разном оформлении обложки принимается совместно с авторами и иллюстраторами, поэтому однозначно оценить замену фотографии как неоправданную представляется неправильным. Кроме того, в издательстве Beltz в 2010 г. книга «Wir Kinder von »вышла с фотографией Х. Э. Верольме на обложке, которая, как полагаем, является аллюзией на оформление дневника Анны Франк (фотография обложки с сайта <https://www.amazon.de/Anne-Frank-Tagebuch/dp/3596113776>).

Перевод на немецкий язык, издательство Beltz (2010)

А. Франк
Anne Frank Tagebuch,
издательство Fischer
(1992)

Опущение как комплексная трансформация

В процессе проведения сопоставительного анализа оригинала и его перевода наибольший интерес вызвали случаи использования опущения, поэтому остановимся на данном переводческом преобразовании подробнее.

Опущение – это намеренное изменение объема информации (SCHREIBER 2015: 153). В российских словарях переводоведческих терминов опущение трактуется как «сокращение и компрессия текста путем опущения семантически избыточных элементов исходного текста..., т.е. выражающих значение, которое может быть извлечено из текста без их помощи» (Нелюбин 2009: 130). Среди причин, приводящих к необходимости использования опущения, кроме семантической избыточности, называются наличие тавтологии, неважность для адекватного перевода текста (Основные понятия переводоведения 2010: 143), а также прагматическая адаптация текста, когда переводчик опускает те или иные «малозначимые реалии или имена собственные» (ibid: 153).

Нами было выявлено два вида опущения:

- **по степени обоснованности:** обоснованное и необоснованное опущение информации; переданными в тексте немецкоязычного перевода в отдельных предложениях являются антропонимы, топонимы, названия концентрационных лагерей, этнонимы, инвективная лексика;
- **по объему:** полное и частичное опущение; переданными в тексте немецкоязычного перевода оказываются отдельные предложения/ части предложения и лексические единицы.

Обоснованным является опущение некоторых разъяснений, имеющих в исходном тексте, которые при переводе на немецкий язык действительно оказываются семантически избыточными. В приведенных ниже примерах опущены (обоснованно и полностью) пояснения на английском языке, необходимые англоязычному читателю (случаи прагматической адаптации) в контекстах, где автор описывает повседневную жизнь в лагере:

Ours had the Appelplatz (rollcall) and the men's section together (VEROLME 2001: 41) – *In unserem lagen der Appellplatz und das Männerlager zusammen* (VEROLME/PRESSLER 2009: 44).

... *our camp, which later was called **the Sternlager (star camp)** or *Albela camp* (VEROLME 2001: 41) – ... *unser Lager, das später **Sternlager** oder *Albalalager* genannt wurde* (VEROLME / PRESSLER 2009: 44).*

*The **Kapo (overseer)** would scream when they passed through the gate* (VEROLME 2001: 50) – *Wenn sie auf ihrem Weg durch das Tor gingen, rief der **Kapo*** (VEROLME / PRESSLER 2009: 54). *After he [Commandant Kramer] had scrutinised me, he nodded his approval to the doctor and barked, **'Los!' (Get going)*** (VEROLME 2001: 161) – *Nachdem er mich ausgiebig betrachtet hatte, nickte er der Frau Doktor zustimmend zu und bellte: „**Los!**“* (VEROLME / PRESSLER 2009: 175). Стихотворение для сестры Любы, которая помогала детям в бараке, было написано на немецком языке и Хетти читала его на немецком, в тексте оригинала есть его немецкая и английская версии (свободный перевод) (VEROLME 2001: 190-191), в немецко-язычном тексте – только на немецком языке (VEROLME / PRESSLER 2009: 207-208), что также является обоснованным опущением.

Для иллюстрации частичного (неоправданного, как полагаем) опущения приведем следующий пример, где вторая часть предложения, в котором Х. Э. Верольме мечтает снова жить на свободе, как нормальные люди, опущена при переводе на немецкий язык, но сохранена в нидерландском переводе:

*Soon we might live in freedom again, **as human beings, without being shunned or hunted*** (VEROLME 2009: 11) – *Vielleicht würden wir bald wieder in Freiheit leben* (VEROLME / PRESSLER 2009: 12) – *Binnenkort leefden we misschien weer in vrijheid, **als gewone mensen, zonder vernederd of opgejaagd te worden*** (VEROLME / POSTHUMA 2014: 19).

Перевод названия текста на немецкий язык. Далее обратим внимание на перевод названия текста на немецкий язык. В нем использовано соответствующее принятое в немецком языке название концентрационного лагеря: дается более точное указание на его местоположение – не Берген, а Берген-Бельзен (Bergen-Belsen). Лагерь был расположен на расстоянии ок. километра от деревни Бельзен и в нескольких километрах к юго-западу от города Берген. Данное преобразование может быть рассмотрено в рамках переводческой экспликации, т.е. «придание содержанию более конкретной по сравнению с оригиналом формы выражения» (ЛАТЫШЕВ 2005: 291). С другой стороны, при переводе исходного *Children's House*, детский барак, использовано опущение существительного с пространственным значением с сохранением, однако, существительного, указывающего на возраст находящихся там заключенных (*Wir Kinder* von Bergen-Belsen). Начав сопоставительный анализ, мы посчитали это не совсем обоснованным, исходя из того, что используемая импликация при переводе наименования барака *Children's House* придает выражению менее явную форму. Известно, что в Берген-Бельзене были разные лагеря – для заключенных: Звездный, Венгерский, Палаточный лагерь и др. Детский барак Берген-Бельзена, барак 211, – это часть лагерной структуры, так же как, например, в Аушвице. Поэтому подобное преобразование, использованное при переводе заголовка, рассматривалось нами в целом как опущение, и трактовалось как направленное на то, чтобы не акцентировать внимание потенциального немецкоязычного реципиента на таком важном историческом явлении, как существование в концентрационных лагерях детских барачков. Сравнив с существующим вариантом перевода на нидерландский язык *De kinderbarak van Bergen-Belsen*, мы считали, что было бы

верным перевести заголовок как *Die Kinderbaracke von Bergen-Belsen* с сохранением указания именно на барак; в нем жило около 40 детей, для которых Х. Э. Верольме, будучи одной из самых старших детей, стала «маленькой мамой». Однако, проведенный анализ переводов названия текста Х. Э. Верольме на французский (*La maison des enfants*) и итальянский (*I bambini di Belsen*) языки, а также названий иных разножанровых произведений литературы Холокоста, написанных на разных языках, и их переводов на немецкий язык показывает, что единой стратегии перевода не существует, и говорить об обоснованности или необоснованности использования опущения не представляется правомерным. Наряду с подстановкой словарных соответствий (ср.: Примо Леви «*I sommersi e i salvati*» – «*Die Untergegangenen und die Geretteten*»; Джон Бойн «*The Boy in the Striped Pyjamas*» – «*Der Junge im gestreiften Pyjama*») используются смысловое развитие и добавления разного объема, чаще всего когнитивной информации (топонимы, антропонимы) (ср.: Фаня Фенелон «*Sursis pour l'orchestre*» – «*Das Mädchenorchester in Auschwitz*»; Хезер Моррис «*Cilca's Journey*» – «*Das Mädchen aus dem Lager – der lange Weg der Cecilia Klein*»). Кроме того, у немецкоязычных читателей может возникнуть ассоциация с названием детской книги А. Линдгрэн «*Wir Kinder aus Bullerbü*» (1988), повествующей о совершенно другой жизни детей. Данная ассоциация по контрасту способна произвести еще более сильное впечатление на немецкоязычного реципиента, чем если бы название было переведено при помощи подстановки соответствующих эквивалентов. Полагаем перспективным проведение дальнейшего изучения в данной области.

Приведенные далее примеры полных и частичных опущений относим к необоснованному опущению.

Опущение названий концентрационных лагерей. Одним из ярких примеров использования полного и, как полагаем, необоснованного опущения является опущение названий концентрационных лагерей в конце первой главы, когда всю семью отправляют в Вестерборк. В тексте немецкоязычного перевода полностью отсутствует предложение, в котором Х. Э. Верольме перечисляет большинство концентрационных лагерей, существующих на территории Германии и Польши:

Westerbork was what the Germans called Versuchslager, which means a repatriation camp. From there you were sent to different Camps in Germany – Sachsenhausen, Buchenwald, Ravensbrück, Dachau, Neuengamme, Mauthausen and Oranienburg and Auschwitz. In Poland it was Birkenau, Sobibor, Blechhammer, Gleiwitz and Monowitz (VEROLME 2001: 31).

Отметим, что в данном предложении Аушвиц указан как лагерь, находящийся на территории Германии. В оригинале более позднего переиздания Аушвиц указан как лагерь, находящийся на территории Польши (VEROLME 2009). Укажем, что при переводе на нидерландский язык данное предложение сохранено полностью (Аушвиц также указан как лагерь, находящийся на территории Германии):

Westerbork was een zogeheten doorgangskamp. Van daar wird je doorgezonden naar verschillende kampen in Duitsland: Sachsenhausen, Buchenwald, Ravensbrück, Dachau, Neuengamme, Mauthausen, Oranienburg en Auschwitz. In Polen lagen Birkenau, Sobibor,

Blechhammer, Gleiwitz en Monowitz (VEROLME / POSTHUMA 2014: 35).

Обнаружены еще два примера, в которых опущены названия концентрационных лагерей – Заксенхаузен и Треблинка: *Herman's watch, which had never left my wrist since he was sent to **Treblinka**, showed three o'clock* (VEROLME 2001: 57) – *Hermans Uhr, die ich nicht vom Handgelenk genommen hatte, seit er deportiert worden war, zeigte drei Uhr* (VEROLME / PRESSLER 2009: 62). Аналогичный пример находим далее: *We were relieved that he was not going to be sent away to **Sachsenhausen*** (VEROLME 2001: 64) – *Wir waren erleichtert, dass er nicht weggeschickt würde* (VEROLME / PRESSLER 2009: 70).

Если такие лагеря как Аушвиц, Заксенхаузен, Равенсбрюк и Маутхаузен упоминаются в отдельных контекстах позднее, то все остальные лагеря не обозначены далее по тексту, поэтому текст немецкоязычного перевода утрачивает ключевую когнитивную информацию. Полагаем, они подвергаются опущению, поскольку являются негативно и политически окрашенным топонимам, которые в такой «концентрированной» форме, в рамках одного предложения, должны приводить к интенсификации воздействия на читателя и демонстрировать весь масштаб системы концлагерей. Таким образом, в англоязычном оригинале больше топонимов, как индикаторов пространства Холокоста, как мест памяти, чем в переводе, что может привести к снижению исторической значимости текста.

В следующем примере опущен топоним **Восточная Европа**: *Their posture was erect, they looked strong and healthy, and their high cheekbones suggested they came from **Eastern Europe*** (VEROLME 2001: 196) – *Sie hielten sich aufrecht und schienen mir stark und gesund zu sein* (VEROLME / PRESSLER 2009: 213).

Отметим также, что в ряде случаев при переводе топонимов исправлены ошибки оригинала, однако в тексте перевода нет никаких переводческих (или издательских) комментариев или сносок относительно того, по каким причинам в текст внесены правки. Так, например, в нескольких контекстах оригинала обнаружена ошибка в названии города **Люнебург**. Вместо этого топонима упоминается **Nüneberg**: *At two o'clock on 3 June 1945 we arrived at **Nüneberg** airfield* (VEROLME 2001: 264) – *Wir erreichten den Flugpaltz von **Lüneburg** am dritten Juni 1945* (VEROLME / PRESSLER 2009: 288). И далее: *On 3 June he had flown with Gary from **Nüneberg** to Brussels, Belgium ...* (VEROLME 2001: 283) – *Am dritten Juni war er mit Gerrie von **Lüneburg** nach Brüssel geflogen, etwa um zwölf Uhr mittags* (VEROLME 2009: 308). В данном случае возникла какая-то путаница, место указано неправильно, потому что Люнебург никогда не назывался Нюнебергом. Ошибка оригинала исправлена без разъяснения.

Доктор Кляйн известен тем, что работал в концентрационных лагерях врачом. Х. Э. Верольме пишет: *Dr Klein had been in charge of the Experimental Barrack in Auschwitz where he used prisoners as human guinea pigs. ... He was later condemned to hang by the **Nuremberg Tribunal*** (VEROLME 2001: 237) – *Dr. Klein war in Auschwitz für medizinische Experimente verantwortlich gewesen, wo er Gefangene als Versuchskaninchen benutzt hatte. ... Später wurde er von einem **britischen Militärgericht in Lüneburg** zum Tod durch den Strang verurteilt* (VEROLME / PRESSLER 2009: 258). Информация, которая сообщается автором в англоязычном оригинале (приговорен к смерти через повешение в ходе Нюрнбергского трибунала) не верна, в немецкоязычном переводе приводятся корректные данные.

Однако также нет никаких комментариев о том, что в тексте оригинала содержится ошибка.

Опущения применяются и при переводе этнонимов.

Немцы. Полностью опущено следующее предложения, содержащие этноним «немцы»: *We realized then that **the Germans** would be without mercy in their plans to eradicate the Jewish population in Holland* (VEROLME 2009: 10). Ярким примером использования опущения, которое сопровождается потерей эмоциональной доминанты, является следующий текстовый фрагмент. Приказ старосты барака освободить шкаф, в котором семья хранила свои вещи, вызвал у Хетти волну ненависти: *This German bitch, I thought, she was a refugee in Holland. While here, because she could speak the language, she had powers to humiliate the Dutch people who had given her shelter* (VEROLME 2001: 54). Данные предложения отсутствуют в переводе. Далее, рассказывая о сложившейся ситуации своему брату, она использует то же самое грубое ругательство *barrack bitch*, эквивалентом которого в тексте перевода является также грубое *Barackenschlampe*, опущение уже не используется.

В следующих примерах опущению подвергся только этноним «немцы» (сохранен при переводе на нидерландский язык): *I spent years of my childhood in Belsen concentration camp in Germany, deported there **by the Germans** during World War II with my father and mother, and my two brothers* (VEROLME 2001: 9) – *Jahre davon verbrachte ich im Konzentrationslager Bergen-Belsen in Deutschland, wohin ich mit meinem Vater, meiner Mutter und meinen Brüdern während des Zweiten Weltkrieges deportiert worden war* (VEROLME / PRESSLER 2009: 7) – *Ik bracht tijdens de Tweede Wereldoorlog een aantal jaren van mijn jeugd door in het concentratiekamp Bergen-Belsen in Duitsland, nadat ik met mijn vader, moeder en twee broers daarheen gedeporteerd was **door de Duitsers*** (VEROLME / POSTHUMA 2014: 15). И далее: *Their businesses were confiscated **by the Germans** ...* (VEROLME 2001: 19) – *Ihre Geschäfte wurden konfisziert...* (VEROLME / PRESSLER 2009: 20) – *Hun bedrijven werden **door de Duitsers** geconfisqueerd* (VEROLME / POSTHUMA 2014: 25).

Приведем еще один пример: *I ran to the window and could see lots of **German police** assisted (as we later found out) by security police of the transition camp, Westerbork...* (VEROLME 2001: 18) – *Ich rannte zum Fenster und konnte viele **grün Uniformierte** sehen, unterstützt von Männern, die, wie wir später herausfanden, Sicherheitsbeamte des Durchgangslagers Westerbork waren* (VEROLME / PRESSLER 2009: 18) – *Ik rende naar het raam en zag talrijke **Duitse politieagenten**, geassisteerd door – naar we later ontdekten – de geheime politie van het doorgangskamp Westerbork ...* (VEROLME / POSTHUMA 2014: 23).

Евреи. В следующем примере опущен этноним «евреи» (сохранен при переводе на нидерландский язык): *Now my father could keep on helping those poor **Jewish people** without an income* (VEROLME 2001: 21) – *Nun konnte mein Vater weiter **denen** helfen, denen man ihre Geschäfte geraubt hat* (VEROLME / PRESSLER 2009: 22) – *Nu kon mijn vader de arme **Joodse mensen** zonder inkomen blijven helpen* (VEROLME / POSTHUMA 2014: 26).

Голландцы. В следующем примере опущен этноним «голландцы»: *She was the one who gave us the right to use a certain cupboard along the wall of the dining room. This created resentment as we felt at a disadvantage that **we Dutch people** had to take orders from this German woman, whom we had welcomed into our country a few years before* (VEROLME 2001: 43) – *Und auch, als sie uns das Recht gab, einen bestimmten Schrank an der Wand des Essraums zu*

benutzen, weckte ihre Position bei uns innere Widerstände, denn wir wollten keine Befehle von dieser Deutschen entgegennehmen, die wir ein paar Jahre zuvor in unser Land aufgenommen haben (VEROLME / PRESSLER 2009: 47).

Анализ текстового материала показывает, что чаще всего опущение используется в контекстах, когда речь идет о немцах, опущение этнонима, как полагаем, приводит к нейтрализации противопоставления «мы» – «они», имеющегося в оригинале.

Опущению либо замене подвергаются также **антропонимы**. Приведем ряд примеров, подтверждающих данное наблюдение: *I opened my eyes for a second or two and vaguely saw Sister Luba and Doctor Bimko standing near my bed* (VEROLME 2001: 222) – *Für einen Moment öffnete ich die Augen und sah Schwester Luba und einen Arzt neben meinem Bett stehen* (VEROLME / PRESSLER 2009: 241). В данном примере речь идет о докторе Аде Бимко. Обнаруженные данные подтверждают, что в лагере Берген-Бельзен работала Хадасса Бимко Розензафт (1912 – 1997). Однако переводчик в немецкоязычном тексте опускает ее имя и даже меняет пол, что, возможно, связано с требованием Основного закона ФРГ о неприкосновенности достоинства человека.

Кроме того, в исходном тексте обнаружено несколько ошибок относительно употребления, исторических обстоятельств и написания антропонимов, которые исправлены в тексте немецкоязычного перевода без внесения каких-либо комментариев. Хотя, как гласят тексты кодексов этики переводчика, при обнаружении в исходном материале явных ошибок переводчик должен указать на них заказчику, либо внести комментарий. Считаем необходимым отметить, что в данном случае переводчик (или издательство) должен быть «видимым», т. е. оставить если не постраничные сноски, то хотя бы примечания и комментарии в конце книги.

Фрэнк Чепмен (британский солдат, который в Берген-Бельзене на бульдозере собирал трупы в общую могилу): *... he was the young soldier who was sitting on the bulldozer pushing all those dead bodies into the mass graves. ... I was introduced to Casper* (VEROLME 2001: 288) – *... er war der junge Soldat, der mit dem Bulldozer die Leichen zu den Massengräbern gebracht hat. ... Ich wurde Frank Chapman vorgestellt* (VEROLME / PRESSLER 2009: 314). В немецком переводе указано верное имя человека, управлявшего бульдозером.

Фольке Бернадот: *... when a high-ranking Nazi (believed to be Hitler) gave them to the Swedish diplomat Count Volker Bernard Dotte in exchange for a box of vodka* (VEROLME 2001: 284) – *... als ein hochrangiger Nazi (vermutlich Himmler) sie dem schwedischen Diplomaten Graf Bernadotte gegen eine Kiste Wodka überließ* (VEROLME / PRESSLER 2009: 309). В оригинале в искаженном виде использовано имя шведского дипломата графа Фольке Бернадота. Вариант написания его имени и фамилии в переводе соответствует найденной нами информации. Известно, что граф был заместителем председателя шведского Красного Креста и обсуждал вопрос об освобождении женщин из лагеря с Гиммлером (а не Гитлером; в переводе верно). Мать Х. Э. Верольме находилась в лагере Бендорф и попала в Швецию, вероятно, в результате этих переговоров.

Неясным оказывается использование опущения и замены имени собственного в следующем контексте: вместо **Ирма Гресе** находим в переводе **Иоганна Борман** (известно, что обе были надзирательницами в концентрационном лагере Берген-Бельзен). Утром 5 марта 1945 Х. Э. Верольме прочитала стихотворение для сестры Любы, у которой был день рождения. После обеда это стихотворение пришли послушать две

ауфзеерки, одна из которых в оригинале – **Ирма Грезе**, в переводе – **Иоганна Борман**. Известно, что Ирма Грезе прибыла в Берген-Бельзен в марте 1945, поэтому, возможно, в переводе правильный вариант: *One of these guards was **Irma Grese**, who was feared for her brutality. ... **Irma Grese** and the other female guard who had listened to my verse stood next to the SS officer. **Irma Grese** turned to me when I entered...* (VEROLME 2001: 192) – *Eine der beiden war **Juanna Bormann**, die wegen ihrer Grausamkeit gefürchtet war. ... **Juanna Bormann** und die andere Aufseherin, die ebenfalls mein Gedicht mit angehört hatte, standen neben ihm. ... **Juanna Bormann** drehte sich zu mir, als ich eintrat ...* (VEROLME / PRESSLER 2009: 209). Позднее, через несколько страниц, **Ирма Грезе** переводится как **Ирма Грезе**: *I was standing face to face with the notorious female guard **Irma Grese*** (VEROLME 2001: 218) – *... stand Auge in Auge mit der berüchtigten SS-Aufseherin **Irma Grese*** (VEROLME / PRESSLER 2009: 238).

Красный Крест. Наиболее интересным примером манипулирования когнитивной информацией являются контексты, в которых речь идет о «Красном Кресте»: при переводе с английского языка на немецкий наблюдается опущение названия данной организации. Автор описывает посещение детского барака Берген-Бельзена в середине марта 1945 г. делегацией этой организации. В предложениях, в которых в оригинале встречается название, оно опущено, либо заменено на слова с общим значением (*die Gäste der Delegation, einer der Männer dieser Abordnung, die Leute, die Delegation*), полагаем, они не были просто «гостями» и «людьми», поскольку их целью была инспекция условий проживания. Их посещение вызвало некоторые кратковременные изменения в жизни детей до их прихода, однако, не привело впоследствии ни к каким изменениям в их жизни. *The Red Cross people were talking to Sister Luba and the other sisters...* (VEROLME 2001: 204) – *Die Gäste der Delegation unterhielten sich mit Schwester Luba und den anderen Schwestern* (VEROLME / PRESSLER 2009: 221). Единственное предложение, в котором название организации прозвучало на этих страницах, повествует о подарке: *Mr Weiss also carried a large box of chocolates, apparently provided for us by the **Red Cross*** (VEROLME 2001: 203) – *Herr Weiss brachte auch eine große Schachtel Schokolade mit, vermutlich eine Spende des **Roten Kreuzes** für uns* (VEROLME / PRESSLER 2009: 221).

После освобождения Берген-Бельзена «Красный Крест» упоминается в оригинале еще несколько раз: солдаты с повязками «Красного Креста» вывозят детей из лагеря, сестры «Красного Креста» помогают ухаживать за детьми, отправкой людей из Берген-Бельзена и поиском родных также занимается «Красный Крест». Во всех случаях, где речь идет о деятельности организации в оригинале, в переводе она также упоминается. Приведем несколько примеров: *But where are my father and my mother? Are they still alive? I had made an unsuccessful attempt to find them through the **Red Cross*** (VEROLME 2001: 261) – *Aber wo sind mein Vater und meine Mutter? Leben sie noch? Ich hatte einen erfolglosen Versuch gemacht, sie durch das **Rote Kreuz** zu finden* (VEROLME / PRESSLER 2009: 285). Еще один пример: *I looked over to where Sister Luba was pointing and I could see Maria talking animatedly to two **French Red Cross nurses*** (VEROLME 2001: 246) – *Ich schaute in die Richtung, in die Schwester Luba zeigte, und konnte Maria sehen, die sich angeregt mit zwei **französischen Roten-Kreuz-Schwestern** unterhielt* (VEROLME / PRESSLER 2009: 269).

Использование опущения названия этой авторитетной гуманитарной организации, целью работы которой является оказание помощи, при описании событий до

освобождения лагеря объясняется, вероятно, нежеланием касаться репутации «Красного Креста» во время войны.

Причины применения опущения

В Германии действует Общеввропейский стандарт качества EN15038:2006, в котором перечислены пункты, требующие от переводчика особого внимания в процессе перевода. К основным относятся: терминология, грамматика, лексика, специфические особенности, функциональный стиль, форматирование текста и целевая группа, т.е. необходимость достижения прагматической эквивалентности (<http://qualitystandard.bs.en-15038.com/>). Полагаем, что именно учет целевой группы перевода (стратегия переадресации), а именно немецкоязычного реципиента, привел к выявленным в процессе анализа текста англоязычного оригинала и текста немецкоязычного перевода преобразованиям – обоснованным и необоснованным, полным и частичным опущениям, заменам, стилистической эвфемизации.

Обычно при переводе аксиоматичным является тот факт, что реципиенты оригинала и перевода обладают разной культурной памятью, поэтому становится возможным применение выше указанных преобразований, и в частности опущения. Дискуссии на эту тему возникают при необходимости передачи каких-то национально-культурных особенностей, когда приходится соблюсти баланс между «своим» и «чужим». Однако в данном случае считаем, что речь идет о всеобщей исторической памяти, манипуляции которой видятся неоправданными и недопустимыми. В проанализированных выше контекстах не должно быть «своего», должна быть сохранена транснациональная историческая память. Речь идет о включенности текста в общеисторический контекст, а умалчивание сродни пересмотру истории. Ведь реципиенты, читая текст, относящийся к литературе Холокоста, знают, о чем пойдет речь. В процессе перевода текстов литературы Холокоста необходимо сохранить и передать точку зрения автора, его взгляд и его оценку описываемых людей и событий. Кроме того, использованные Х. Э. Верольме топонимы являются элементами когнитивной информации, обеспечивающими аутентичность текста и отражают пространство Холокоста. Литература Холокоста, а соответственно и ее перевод, должна как зеркало отражать культуру памяти, в независимости от национальности потенциального реципиента. Читатель должен знать, ведь «знание и воспоминание – одно и то же» (МАЙРИНК / ВЫГОДСКИЙ 2004: 30). Складывается впечатление, что реципиент оказывается избыточно осведомленным об описываемых событиях и тогда еще одна книга, повествующая о Холокосте, может не вызвать интереса читателей, что никому не выгодно. Однако, как полагаем, задача переводчика не только в том, чтобы перевести с языка оригинала, но и передать историю, которая зафиксирована на этом языке, поскольку не только литература Холокоста является продуктом переводческой деятельности, но и сам Холокост существует благодаря переводчикам, которые ежедневно работали в каждом лагере, осуществляя разные виды перевода, решая задачи, от которых зависела жизнь человека.

В целом проанализированные контексты наглядно демонстрируют возможность прагматической адаптации текста для целевого реципиента. Складывается впечатление о том, что применение переводческих преобразований обусловлено желанием не

травмировать лишний раз немецкоязычного читателя, уставшего от постоянной «активации» чувства коллективной вины. О подобном нежелании напоминать пишет в своей книге Р. Клюгер:

[Подумайте только: в Аушвице в результате отравления газом для дезинсекции ушло из жизни столько-то и столько-то людей (я не хочу сейчас еще раз напоминать вам о том, сколько точно человек это было, потому что я знаю, вам это не понравится, и вы потеряете интерес, если некстати услышите здесь эти цифры)] (KLÜGER 2008: 140).

Предполагаем, что изменения, которые были внесены в немецкоязычный текст, могут быть обусловлены именно непосредственной задачей, поставленной перед переводчиком издательством. Возможно, существуют рекомендации для перевода мемуарно-автобиографических текстов авторов, переживших Холокост, на немецкий язык. Запрос о подтверждении данного факта в издательство остался без ответа. Интерес вызывает вопрос, носит ли это единичный характер в рассматриваемом нами материале или имеет системный характер.

Заключение

Актуальность проведенного исследования видится в важности изучения текста глазами носителя другого языка и другой культуры, что можно использовать и в процессе обучения переводу.

Необходимой представляется и дальнейшая тематизация роли переводчика: кто он – «сито», «двойной агент», «посредник», «мостик» или «сводник», который путем «адаптации» пытается заполнить немецкоязычного читателя и стремится не вызывать лишний раз чувство вины и обеспечить дистанцированность от национал-социалистического прошлого Германии.

Укажем на несомненную взаимосвязь при переводе таких понятий как «Standpunkt» (точка зрения) и «Standort» (место нахождения, в нашем случае – переводчика/ редактора/ издательства). Перевод на нидерландский язык оказывается максимально близок оригиналу. Перевод на русский язык был бы также максимально близок оригиналу, потому что для каждого русскоязычного читателя текста, повествующего о войне и ее последствиях, это не просто абстрактные исторические события, после которых прошло 75 лет, это личные переживания.

В заключении отметим, что мемуарно-автобиографические тексты, сохраняя память, дают возможность конструировать прошлое, и то каким образом оно будет сохранено, зависит, в том числе и от переводчиков многоязычной литературы Холокоста. Каждый мемуарно-автобиографический текст авторов, переживших Холокост, повествуя о жизни в том или ином концентрационном лагере, актуализирует тем самым определенное «место памяти», таким образом, в круг задач переводчика входит отражение картины общей глобальной коллективной памяти. Процессы, происходящие в обществе, находят свое отражение и в переводческой деятельности, все это похоже на проявление терпимости по отношению к своим немецким читателям.

Перевод – комплексный процесс, составными частями которого являются не только язык, но и культура, литература и история. Проанализированные примеры, которые нельзя всегда оценить однозначно, демонстрируют взаимосвязь перевода и истории общества и вызывают вопросы. В современном немецком обществе это стало табу? Характерна ли общая «избыточность» и «усталость» немецкоязычного реципиента от подобной актуализации «мест памяти»? Не происходит ли постепенный процесс вытеснения их из национальной немецкой коллективной памяти?

Библиография

Первичная литература

VEROLME, Hetty Esther (2001): *The Children's House of Belsen*. Fremantle: Fremantle Arts Centre Press.

VEROLME, Hetty Esther (2009): *The Children's House of Belsen*. Fremantle: Fremantle Press.

VEROLME, Hetty Esther / THIBAUDIÈRE, Isabelle (trad.) (2007): *La maison des enfants*. Paris: France Loisirs.

VEROLME, Hetty Esther / LONGHITANO, Maria Vittoria (trad.) (2009): *I bambini di Belsen*. Troina: Città Aperta.

VEROLME, Hetty Esther / POSTHUMA, Roelof (Übers.) (2014): *De kinderbarak van Bergen-Belsen*. Utrecht, Uitgeverij Omniboek.

VEROLME, Hetty Esther / PRESSLER, Mirjam (Übers.) (2005): *Wir Kinder von Bergen-Belsen*. Weinheim: Beltz Verlag, Weinheim und Basel.

VEROLME, Hetty Esther / PRESSLER, Mirjam (Übers.) (2009): *Wir Kinder von Bergen-Belsen*. Augsburg: Weltbild.

VEROLME, Hetty Esther / PRESSLER, Mirjam (Übers.) (2010): *Wir Kinder von Bergen-Belsen*. Weinheim: Gulliver von BELTZ & Gelberg.

Вторичная литература

АССМАН, Алейда / ЭРЛИХ, Сергей (переводчик) (2017): «Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти», *Историческая экспертиза* 4, 9-31.

БАНМАН, Полина (2019): «Мемуарно-автобиографические тексты, переживших Холокост: специфика перевода», *Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем* 7, 27-34.

ЖИТОМИРСКИЙ, Владимир (2019): *Война и мир Галины Санько*.

<https://1001.ru/articles/post/voina-i-mir-galiny-sanko-chast-1-47287> (30.09.2020).

ЛАТЫШЕВ, Лев (2005): *Технология перевода*. Москва: Издательский центр «Академия».

ЛЕВИ, Примо / ДМИТРИЕВА Елена (переводчик) (2010): *Канувшие и спасенные*. Москва: Новое издательство.

ЛОТМАН, Юрий (2002): *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ.

МАЙРИНК, Густав / ВЫГОДСКИЙ, Давид (переводчик) (2004): *Избранное*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.

НЕЛЮБИН, Лев (2009): *Толковый переводческий словарь*. Москва: Флинта : Наука.

Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник (2010). Москва: ИНИОН РАН.

ХАРИТОНОВА, Елена (2007): *Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты (на материале американского и британского переводов «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына)*. Магадан: Кордис.

ЦАТУРЯН, Юрий (2016): *Элли Визель: ради мертвых и живых нужно говорить об увиденном ...*

<http://yerkramas.org/article/112939/eli-vizel-radi-mertvyx-i-zhivyx-nuzhno-govorit-ob-uvиденном...> (17.09.2020).

ЧАЙКОВСКИЙ, Роман & ЛЫСЕНКОВА, Елена (2014): «Канонизация переводов в свете этики поликультурности», *Вестник Московского государственного лингвистического университета* 9 (695), 191-2002.

ЭКО, Умберто / КОВАЛЬ, Андрей (переводчик) (2006): *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе*. Санкт-Петербург: Симпозиум.

ALEXANDER, Zaia (2002): *Beyond Babel. Translating the Holocaust at century's end*. Los Angeles: University of California.

ARNDS, Peter (2012): "Translation and Literature. Translating Survival, Translation as survival in Primo Levi's *Se questo è un uomo*", *Translation and Literature* 21(2), 162-174.

ARNTZ, Hans-Dieter (2008): *Ein wichtiges Buch von Hetty E. Verolme: Wir Kinder von Bergen-Belsen*. www.hans-dieter-arntz.de/ein_wichtiges_buch.html (05.04.2020).

BOYNE, John (2006): *The Boy in the Striped Pyjamas*. Oxford: David Fickling Books.

BOYNE, John / ЯКОБЕИТ, Brigitte (Übers.) (2009): *Der Junge im gestreiften Pyjama*. Frankfurt am Main: FISCHER Kinder- und Jugendtaschenbuch.

CHILDREN'S HOUSE OF BELSEN (WEBSITE) (2015):

<http://childrenshouseofbelsen.com/index.html> (30.09.2019).

DAVIES, Peter (2014): "Translation and Holocaust Testimonies: a Matter for Holocaust Studies or Translation Studies?" In: BOASE-BEIER, J. & FAWCETT, A. & WILSON P. (eds.): *Literary Translation*. London: Palgrave Macmillan.

DAVIES, Peter (2018): *Witness between Languages: The Translation of Holocaust Testimonies in Context*. Suffolk: Boydell & Brewer Ltd.

DEGEN, Sylvia (2008): *Das Problem der Perspektive. Die Übersetzung von Shoah-Überlebendenberichten ins Deutsche. Am Beispiel von Diana Wangs Los Niños Escondidos –*

Del Holocausto a Buenos Aires. Frankfurt am Main/Wien: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften.

DORN, Petra (2019): *AW: Anfrage Kontaktformular*. E-Mail (19/09/2019).

European quality standard EN-15038:2006. <http://qualitystandard.bs.en-15038.com/> (30.09.2020).

FÉNELON, Fania (1976): *Sursis pour l'orchestre*. Eugene: Stock.

FÉNELON, Fania / LORITZ, Sigi (Übers.) (2005): *Das Mädchenorchester in Auschwitz*. München: dtv Deutscher Taschenbuch.

FEUCHERT, Sascha (2004): *Oskar Rosenfeld und Oskar Singer: Zwei Autoren des Lodzer Gettos*. Frankfurt a. M.: Peter Lang.

FRANK, Anne / PRESSLER, Mirjam (Übers.) (1992): *Anne Frank Tagebuch*. Fischer.

HAMMEL, Andrea (2004): „The Destabilization of Personal Histories: Rewriting and Translating Autobiographical Texts by German-Jewish Survivors”, *Comparative Critical Studies* 1:3, 295-308.

HOLOCAUST WRITING AND TRANSLATION.

<https://www.aber.ac.uk/en/modernlangs/research/current-research/holocaust/> (30.09.2020).

KLÜGER, Ruth (2001): *Still alive: a Holocaust girlhood remembered*. New York: Feminist Press at the City University of New York.

KLÜGER, Ruth (2008): *weiter leben: Eine Jugend*. Göttingen: Wallstein Verlag Göttingen.

KUHIWCZAK, Piotr (2011): “Mediating trauma: how do we read the Holocaust Memoirs?” In: PARKER, J. & MATHEWS, T. (eds.): *Tradition, Translation, Trauma*. Oxford: Oxford University Press, 283-297.

KUHIWCZAK, Piotr (2004/05): *Memory and methodology: the Holocaust in translation*. <https://www2.lingue.unibo.it/acume/sb/sb01essay.htm> (30.09.2020).

LEVI, Primo (2014): *I sommersi e i salvati*. Torino: Einaudi.

LEVI, Primo / KAHN, Mosche (Übers.) (2015): *Die Untergegangenen und die Geretteten*. München: München: dtv Verlagsgesellschaft.

LINDGREN, Astrid / HOLLANDER-LOSSOW, Else (Übers.) (1988): *Die Kinder aus Büllerbü*. Hamburg: Oetinger Verlag.

MORRIS, Heather (2020): *Cilca's Journey*. New York: St. Martin's Griffin; Reprint edition.

MORRIS, Heather / RANKE, Elisabeth (Übers.) (2020): *Das Mädchen aus dem Lager – der lange Weg der Cecilia Klein*. München: Piper Verlag GmbH.

PRESSLER, Mirjam (2000): *Ich sehne mich so: Die Lebensgeschichte der Anne Frank*. Weinheim: Gulliver von BELTZ & Gelberg.

PRESSLER, Mirjam (2019): *Autorin und Übersetzerin*. <https://www.mirjampressler.de/> (24.01.2021).

ROLNIKAITE, Mascha / GREVE, Dorothea (Übers.) (2002): *Ich muss erzählen*. Augsburg:

Weltbild.

RÖPER, Thomas (2020): *Geschichtsfälschung oder „peinlicher Fehler“? Laut Spiegel haben die USA Auschwitz befreit.*

<https://www.anti-spiegel.ru/2020/geschichtsfaelschung-oder-peinlicher-fehler-laut-spiegel-und-us-botschaft-haben-die-usa-auschwitz-befreit/> (30.09.2020).

ROTH, Markus (2015): „Gattung Holocaustliteratur? Überlegungen zum Begriff und zur Geschichte der Holocaustliteratur“. In: HOLÝ, J. (Hg.): *The Aspects of Genres in the Holocaust Literatures in Central Europe. Die Gattungaspekte der Holocaustliteratur in Mitteleuropa*. Prag: Akropolis, 13-23.

SASSOON, Agnes (2006) / BRANDT, Heike (Übers.): *Überlebt. Als Kind in deutschen Konzentrationslagern*. Weinheim: Beltz.

SCHREIBER, Michael (2015): „Übersetzungstypen und Übersetzungsverfahren“. In: SNELL-HORNBY, M. & HÖNIG, H. G. & KUßMAUL, P. & SCHMITT, P. A. (Hg.): *Handbuch Translation*. Tübingen: Stauffenburg Verlag GmbH, 151-154.

Verolme, Hetty Esther (2019): <https://www.facebook.com/profile.php?id=100012287408926> (11/11/2019).

WALK, Hannes (2020): *Ihre Kundennummer: / Weltbild - Online - Sonstiges The Children's House of Belsen von H. E. Verolme - ID [10202464002]*. E-Mail (25/06/2020).